

Уважаемая комиссия по этике,

Прошу принять к рассмотрению следующие многочисленные факты нарушения этики сотрудниками СпбГУ.

С 2017 по 2019 год я обучалась на магистерской программе «Теория и история языка и языки народов Европы», профиль – языки Библии. Я стала там учиться по нескольким причинам, одна из которых – давняя мечта заниматься наукой. В 2009 году я закончила факультет информационных технологий КазНТУ им. Сатпаева, занималась программированием и информационной безопасностью, создала интернет-библиотеку научных статей, которая стала знаменитой.

У меня появилась мысль добавлять на свой сайт оцифрованные древние манускрипты, а также обрабатывать научные документы методами компьютерной лингвистики и искусственного интеллекта, поэтому я решила, что программа по Лингвистике – как раз то, что нужно. Так как я интересуюсь также древними манускриптами, древними языками, а также философией и религией, то выбрала профиль «Языки Библии». О своих намерениях развивать компьютерные методы для древних языков я рассказывала заведующему кафедрой на предварительной встрече с поступающими в магистратуру.

Вместе со мной на программу поступили также два священника Роман Колган и Алексей Волчков, студент семинарии Алексей Цой, выпускники бакалавриата СпбГУ Валерий Шишкин и Лора Чусова, и Александр Гогонин.

Экзамен состоял в том, что надо было в письменном виде перевести с английского языка на русский отрывок из Библии Короля Якова. Так как я хорошо знаю английский, я справилась с данным заданием и получила высокий балл.

Почти сразу после начала обучения начались странные вещи. Так, например, заведующий кафедрой Алексеев в присутствии других студентов сказал, обращаясь ко мне:

– У нас тут была студентка, я ее про себя прозвал «жидовка» – вы мне её чем-то напоминаете!

Кажется, та студентка была из Украины. Ругаться и выяснять что-то я не стала, так как, с большой вероятностью, это ни к чему бы не привело, кроме того, что меня бы выставили скандалисткой, и это бы повредило моему дальнейшему обучению.

Это произошло на семинаре Алексеева, где мы должны были обсуждать свои научные работы и выступать с докладами. Однако на практике этого не было, так как семинар студентами магистратуры почти не посещался.

Когда я пыталась на семинаре предлагать какие-то идеи для ВКР: например, машинный перевод древних текстов – Алексеев откровенно агрессивно реагировал, пытался выставить любую мою идею несостоятельной, придирился, однако сам ничего не предлагал. С ним невозможно было разговаривать: он не предлагал тему исследовательской работы, а требовал ее от меня; когда же от меня поступали какие-то идеи, он их старался не развить, а уничтожить. Тема ВКР про образ Моисея,

предложенная мной, Алексееву также не понравилась. Он отметил, что по этой теме уже давно начала писать работу другая магистрантка, да так и не написала.

Также он на меня нападал вопросами вида: зачем вы сюда пришли, да еще и деньги платите? То есть понимаете: он всеми силами старался разговаривать так, как будто я какая-то слабоумная и отсталая, плохая студентка и так далее – при том, что это совершенно не так. На самом деле я талантливый человек, мечтаю заниматься наукой. Просто он, будто из ненависти, старался меня откровенно забить, не дать развиваться, проявить свой талант.

Где-то в октябре или ноябре 2017 года, от нас на кафедре потребовали срочно заполнить в Личном кабинете студента тему своей ВКР и ее научного руководителя. Также на факультете висело объявление, что через Личный кабинет можно предложить тему для своей работы. Я зашла в Личный кабинет и предложила там три темы – максимальное количество, которое можно заполнить – соответственно трем научным руководителям:

- Особенности машинного перевода древнегреческого языка, руководитель Дружинина
- Мифологический субстрат образа пророка в Библии, руководитель Алексеев
- Распознавание древних рукописей методами машинного обучения, руководитель Мещерская

Эти темы были заполнены мною осенью 2017 года, после чего на кафедре мне сказали, что получили мои темы, и все три руководителя отказались, из-за чего я переживала. К примеру, Алексеев придирался к теме «особенности машинного перевода древнегреческого языка», требуя, чтобы я сказала ему, какие там особенности. Он не искренне интересовался, а именно придирался: якобы я не знаю, какие особенности, а собралась писать – вот дура! То есть уже сразу после поступления в магистратуру я должна была не только сформулировать тему, но и подробно рассказать содержание моей ВКР!

Затем посредством социальной сети «ВКонтакте» преподаватель еврейского языка Битнер К.А. сообщил мне, что он мог бы вести вторую тему – про пророков, но хотел бы руководить содержательно, а не формально. Я отказалась, т.к. эта тема задевает струны в моей душе, а я не настолько доверяю Битнеру К.А., и попросила его дать другую тему по древнееврейскому языку, к которой я смогу относиться чисто профессионально. Однако он отказался, сославшись на то, что «я пока не знаю древнееврейского языка» и он не знает, какая тема мне может быть интересна.

На следующей лекции по еврейскому языку преподаватель Битнер К.А. пустился в рассуждения о том, что он не понимает, что такое гендерные исследования, на что я заметила, что слово «Дух» на еврейском – женского рода, из чего делают вывод, что Святой Дух – женского рода, то есть Бог – женщина. Тогда он предложил написать работу на тему «Образ Духа Божьего в текстах еврейской Библии» и я согласилась. Несмотря на то, что формулировку темы дал сам Битнер К.А., он потребовал отправить ему название темы через социальную сеть «ВКонтакте», якобы, чтобы не забыть. Таким образом, над своей темой я начала работать с 2017 года. К этой теме я еще вернусь, а пока просто напишу об атмосфере обучения.

Битнер К.А. сообщил, что посещение лекций студентами на кафедре не является обязательным. От занятий по древнееврейскому были освобождены студенты, которые уже изучали язык: Шишкин В. и Чусова Л. Занятия состояли в следующем: есть учебник древнееврейского языка Ламбдина, который состоит из отдельных уроков и домашних заданий. На «лекции» мы читали вслух очередную урок, а также проверяли домашнее задание, то же самое и на следующей лекции, и так далее.

Ключи к домашнему заданию Ламбдина есть в Интернете, этим все пользовались, в частности священник Волчков А. Так как там ключи к старому изданию учебника, то некоторые ответы – их, впрочем, немного – отличаются, и поэтому использование ключей было сразу заметно. Однако преподаватель это игнорировал.

Где-то в начале первого семестра Битнеру К.А. понадобилось уехать в командировку, и он поручил на это время студенту Шишкину В. вести занятия, то есть читать вслух уроки и проверять домашнее задание – потому что он эти уроки уже проходил в бакалавриате. И создалось впечатление, что сделано это было специально, чтобы унижить других студентов, поставить студента Шишкина В. выше других. На тех лекциях я не присутствовала.

Я вообще предпочитала заниматься дома самостоятельно, так как на занятиях с самого начала откровенно поощрялась атмосфера нездоровой конкуренции, некоторые ребята, например Волчков, уже имели какую-то начальную подготовку: как он сказал мне, это его третья попытка выучить древнееврейский. То есть приходишь не учиться – а доказывать другим, что ты не верблюд и имеешь право там находится. Понимаете? Хотя по идее это должен определять только экзамен – имеет студент право учиться или нет.

Зачет по древнееврейскому состоял в контрольной по грамматике, которую завалили все студенты и отправились на пересдачу через неделю. Я на этот зачет не пришла – не было времени, готовилась к древнегреческому – а пришла сразу на пересдачу, и сдала не хуже, а даже лучше других. Но сложилось впечатление, что контрольная намеренно усложнена, чтобы завалить «неугодных» студентов. Чрезмерную сложность зачетов отметили и другие обучающиеся.

В результате после первого семестра был отчислен студент Роман Колган – не сдал три зачета. Никаких теплых чувств я по отношению к этому студенту не питаю: он мешал учиться, когда запнешься или задумаешься на пару секунд на занятиях, он старался вылезти быстрее, тебя поправить или ответить вместо тебя, себя показать умнее и лучше. Отмечу: дело не в том, что он себя старался показать лучше, а в том, что делал это нечестно, банально перебивая меня. Про атмосферу нездоровой конкуренции я уже писала. Древнееврейский у него получался плохо, он отвечал неправильно – ответы к учебнику в первом семестре еще не все нашли – я, например, и не думала сначала, что они в Интернете есть. И в итоге Битнер К.А. на него наорал и сказал ему не приходить, раз он все отвечает неправильно и мы тратим время, чтобы разбирать ошибки. Колган критиковал Битнера другим студентам за то, что тот фактически не ведет занятия, а просто задает домашние задания по учебнику.

Мне, в принципе, это было все равно: я и так привыкла учиться самостоятельно. Во втором семестре я также в основном занималась дома, но хорошо написала итоговую контрольную, что обидело Битнера К.А., он пытался поставить мне в упрек то, что я не

посещала занятия, как он сказал «Я тоже не вполне понимаю, честно говоря, зачем Вам изучать древнееврейский язык в СПбГУ». И это при том, что я хорошо знала предмет – на уровне, который требовал Битнер. Было бы понятно такое отношение и такая фраза, если бы я ничего не знала и не ходила на занятия, а он такое почему-то говорит человеку, у которого знания есть и который подтвердил их на контрольной. Понимаете? То есть вот ты учишься хорошо, проявляешь талант, наукой мечтаешь заниматься – а тебя почему-то подленько стараются выставить плохой студенткой, которой учеба не нужна.

К тому же Битнер сам разрешил свободное посещение, и разрешает не посещать студентам, которые уже знают язык. На мой взгляд, студенты должны иметь одинаковые права. Просто сложилась еще такая ситуация, что я училась самостоятельно и знала в итоге лучше тех студентов, которые занятия посещали, этим как бы показывала, что у Битнера К.А. ничему научиться нельзя. Я думаю, что если бы регулярно посещала занятия, то тоже бы не знала язык, так как нездоровая психологическая атмосфера отбила бы напрочь желание учиться. Занятия-то велись не для того, чтобы научить, а чтобы унижить студентов, показать, что они ничего не знают. К тому же первый год обучения я жила далеко – ехать полтора часа туда и полтора – обратно. И это ради одной пары. А ведь ехать, особенно вечером или утром, в часы пик, в толпе и пробках – это не только время, но и нагрузка на нервную систему серьезная – учиться не останется сил.

Вообще такая какая-то отравленная атмосфера складывалась и на других языках: немецком и древнегреческом. Объясняли как попало, еще таким хамским тоном, как будто преподают школьникам, покрикивали, давали побольше домашней работы, на лекциях и зачетах / экзаменах старались по-всякому завалить и подчеркнуть незнание.

Студент Волчков тоже, как и Колган, старался меня перебивать на занятиях, не давая ответить, показать себя умнее. А поскольку у него этого особо не получалось: наоборот, чаще выходило так, что он не знает ответа на вопрос, а я знаю – то он вздыхал и корчил недовольные рожи. Такое происходило и на немецком, и на древнегреческом. В конце концов на древнегреческом я попросила Волчкова – не перебивать – и он немного успокоился.

Как я уже сказала, на древнееврейском давались сложные контрольные, особенно в третьем семестре, в 2018 году, и видя, что я пишу их быстрее и лучше, Волчков скрипел зубами и шепотом матерился. Такое вот поведение священника!

На немецком преподаватель с самого начала занятий сделала следующее: стала высылать Волчкову на почту домашние задания, а он уже пересылал их другим студентам. То есть это вот специально как будто было сделано, чтобы поставить Волчкова выше других студентов, сделать его неформальным старостой группы. Из этого, правда, ничего не вышло, но осадочек остался: он человек, а ты не человек. В третьем семестре были случаи: Волчков переводил с немецкого неправильно, а преподаватель это просто игнорировала. Я попыталась поправить и сразу попала на скандал: якобы я воображаю о себе, что знаю немецкий лучше преподавателя. Нет: просто откровенное подыгрывание Волчкову было действительно неприятно.

Апогея это достигло в третьем семестре на занятиях Сизикова. Его настолько задевало то, что я успешно отвечаю на занятиях, и некоторые вопросы знаю лучше Шишкина,

что он начал использовать провокации: когда ответишь ему на что-нибудь правильно, он тогда спрашивает еще, еще и еще, обращаясь лично ко мне, чтобы я на какой-нибудь вопрос да не ответила. На одном занятии – присутствовали два студента – я и Валерий Шишкин – так он начал проверять мои знания древнееврейского и древнегреческого языков, ладно, преподаватель имеет право задавать вопросы, но он таким тоном спрашивал, как будто рассчитывал на то, что я не знаю, и очень хотел это показать. Очень это было неприятно. К другим студентам подобного хамского отношения, откровенных попыток выставить душой – не было.

Я пыталась обсуждать с Сизиковым причины подобного отношения, но ничего не добилась.

Студенты Цой, Волчков практически не посещали занятия Сизикова, ссылаясь на то, что они уже все это проходили то ли в семинарии, то ли в воскресной школе. Хотя на самом деле это сомнительно: то же самое было и с древнегреческим языком, который Колган изучал, а Волчков преподает, но в итоге выяснилось, что язык они знают так же или хуже меня, хотя я изучаю его с нуля, как и древнееврейский. Кстати, студент Цой вообще в древнегреческом не разбирался, на занятиях не мог переводить, и вот все равно у него в дипломе за ВКР – пятерка, а у меня тройка. Как так получается?

С древнееврейским еще такая ситуация была: на экзамене у Мещерской она спросила какой-то вопрос, как переводится слово, которое относилось к числительным, которые я еще к тому времени не изучила, так как они – в конце учебника Ламбдина. Экзамен был не по языку, просто вопрос относился к древним синагогам. Увидев, что я замешкалась с ответом, Мещерская сказала громким тоном «ну вы же знаете древнееврейский язык» с ударением на слове знаете – то есть вкладывая в свою фразу такой смысл, что как будто я ее как-то обманываю. Понимаете? Я ответила, что могу пересдать язык ей. Тогда студент Гогонин, который ранее изучал иврит не в СПбГУ, ответил, что числительные еще не проходили. До защиты ВКР Гогонин в итоге так и не дошел.

Теперь возвращаюсь к теме ВКР. С 2017 года я начала работать над темой «Образ Духа Божьего...», собирать и читать литературу. Затем в 2018 году я заполнила эту тему в личном кабинете обучающегося, отметив галочкой, что она согласована с научным руководителем (предыдущие три темы согласованы не были, и такая галочка там не стояла). Однако уже где-то в конце декабря 2018 года я обнаружила, что, несмотря на это, утвержденная тема моей ВКР – это «Машинный перевод древнегреческого языка» – то есть та, которую Дружинина отказалась вести еще осенью 2017!

Я пришла в учебный отдел магистратуры, чтобы потребовать поменять тему на фактическую. Там сразу сделали круглые глаза «а почему у вас три темы указано? Вы что, на три темы сразу пишете?». Нет – но три темы можно было предложить через личный кабинет и я это сделала. То есть сотрудники учебного отдела магистратуры откровенно прикидывались дураками.

Мне ответили, что тему поправят и мне позвонят, однако этого так и не было сделано, и я отправилась уже в 2019 году снова. От меня потребовали написать заявление об изменении темы. Я написала и указала, что над темой «Образ Духа Божьего...» я работаю еще с 2017 года. Но к этому факту сразу начали придирааться: якобы тему требовали выбрать в 2018, а не раньше и так далее, так как заявление с 2017 годом

отказывались принимать, я зачеркнула год. В итоге заявление взяли и тему поменяли на правильную.

Над своей ВКР я работала самостоятельно, без консультаций с научным руководителем, так как научный руководитель еще и вел себя некорректно: делал какие-то пошлые намеки. Когда же я попыталась отправить ему на проверку прототип первой главы работы, то он сначала долго тянул, а затем ответил что-то вроде «А зачем все это писать?» и так далее. Он ничего не советовал и старался ничего не подсказывать и не консультировать.

Теперь к тому, зачем была вся эта чехарда с темой. Вернемся в 2017 год, когда мне рассказали, что на программе училась какая-то «жидовка». Я просила Битнера К.А. рассказать, закончила ли та девушка программу, он ответил, что он ее очень не любил, хотя у нее был талант, в итоге она написала вот «такое» – он показал ее работу – «ну поставили тройку, она еще потом на апелляцию подавала...». Также Алексеев и Битнер упоминали неодобрительным тоном, что у этой девушки был научный руководитель с другой кафедры, и она меняла тему. «А еще мальчик учился, у него таланта не было, но он **очень** старался – поставили пятерку» – сказал Битнер.

То есть как получилось, что у меня в документах оказалась неправильная тема и ее потребовалось менять на фактическую? Это могли сделать специально, чтобы выглядело так, будто я сначала работала над одной темой, а потом поменяла ее на другую. И тогда бы они могли оправдать низкую оценку ВКР тем, что я вот якобы не два года работала над темой, а стала работать над ней только в 2019. Такая вот хитрость.

Защита ВКР оказалась продолжением этого процесса: оказавшись не в силах с позором отчислить меня с магистерской программы, как они мечтали – они решили вот так подгадить – через ВКР. Если почитать отзыв «научного руководителя» Битнера к моей работе, то создается впечатление, что он текст моей работы даже не читал: если бы почитал, то не писал бы, что я «постоянно» ссылаюсь на словарь Штейнберга, так как ссылаюсь я на него всего один раз, да и то – только в качестве примера; да и сам отзыв как будто скопирован с отзыва рецензента. На защите откровенно придирались и перебивали: я поставила неправильно ударение в слове *guah*, на второй слог, случайно, то есть представила себе в уме транскрипцию слова на английский язык и так сказала – Битнер к этому сразу же прицепился, хотя это была всего лишь оговорка – я знаю, что ударение на первый слог.

Конечно, в моей ВКР есть недостатки. Но то, что за ВКР поставили всем студентам пятерки, а мне три – абсолютно никакого отношения ни к качеству моей работы, ни к моим знаниям – не имеет. Сделано это было специально для того, чтобы меня унижить, морально разбить, а также чтобы закрыть мне дальнейшие возможности заниматься наукой; к тому же для любого человека оценка три в дипломе будет восприниматься как то, что человек глупый – для этого ее и поставили, чтобы меня уничтожить как личность, поставить мне «диагноз».

Я оцениваю свою ВКР как минимум на четыре, поскольку, несмотря на недостатки, она довольно интересна с научной точки зрения. Это отмечено и рецензентом.

Справедливой оценка «три» в принципе быть не может. Посудите сами: может ли быть так, чтобы всем пятерки, а одному человеку тройку? Это может быть только в одном случае: если студент совсем слабенький и не учился, если очевидно, что студент сильно хуже остальных. Но это – явно не мой случай. Да я контрольные по языкам – лучше других студентов писала! Но оценки в дипломе этого не отражают. То есть смотрите, как выходит: я два года честно училась, и поскольку я далеко не тупая, у меня все получалось. Но все равно не добилась ничего, с троечным дипломом – далеко не пойдешь, два года жизни пропали. Конечно, они это все понимали. Они специально тройку поставили, чтобы меня уничтожить. Уничтожить за то, что я умная и самостоятельная – чтобы это не всплыло, не вышло на свет.

На фуршете после защиты Битнер позлорадствовал на этом «оценки не могут быть одинаковые». Там еще такой случай на фуршете произошел. Сизиков задал вопрос: «говорят, что вера без сомнений мертва, а вы как считаете?» Тогда Волчков ответил: «считаю, что для мужчины это так». Сизиков ответил: «только не говори этого в нашей стране». У них вообще гендерный вопрос – какая-то больная тема. Я прокомментировала, что для человека это так, а для Бога нет. Потом я еще отметила, что особенность культа в Древнем Египте состояла в том, что человек сам является богом. Сизикова сразу перекорезило – так же, как его корезило на лекциях от моих правильных ответов – и он начал рассуждать о том, что они тогда таких богов как собак резали. Видимо, это тайная мечта Сизикова.

То есть вот понимаете, дело в том, что они там меня все какой-то особенной, **очень подлой** ненавистью ненавидели и почему-то просто никак не хотели признавать правду: что я талантливый человек. И старались сломать меня как личность. Я думаю, что такое поведение и отношение недостойно преподавателей СПбГУ, особенно для магистерской программы с названием «Языки Библии» от которой ожидаешь какого-то хотя бы минимально нравственного поведения, а не такой изощренной подлости, которой любой дьяволопоклонник позавидует. Там вообще на кафедре что-то очень нехорошее происходит – прошу этическую комиссию как следует разобраться.

После защиты ВКР я сразу, 18 июня, написала заявление о некорректном поведении научного руководителя и несправедливом выставлении оценки, и просила перепроверить ВКР, а также отметила, что могу подтвердить свои знания языков комиссии, и что я успевала лучше других студентов; затем через неделю, не получив никакого ответа, отправилась на прием в ректорат; там сказали, что готовится ответ со ссылкой на приказ МинОбра о том, что апеллировать к результату экзамена можно только, если были нарушения процедуры, и попросили скачать этот приказ и найти ошибки в процедуре, что я и сделала. Ошибки в процедуре были в том, что использовались средства связи во время аттестации – чему у меня есть доказательства, а также комиссия должна состоять из ведущих специалистов в данной теме – что так же не было соблюдено, больше половины комиссии состояло из историков, а не из лингвистов. Я эти факты изложила во втором заявлении через неделю, потребовав аннулировать защиту, так как она была проведена не по правилам, и провести новую. Еще через неделю я пошла на повторный прием в ректорат, там мне стали рассказывать, что вот нарушения закона не было, так как состав комиссии утвердило должностное лицо, выгоняли, требовали подавать в суд, раз закон нарушен, придирались к тому, что я громко разговариваю, а это якобы неуважение – а вы бы не волновались и не повышали голос, если с вами так обращаются? То есть совершенно никак не хотели идти навстречу. За один день до торжественного вручения дипломов 12

июля я получила ответ на все три заявления в виде издевательской формальной отписки, что мои заявления рассмотрению не подлежат. Ни мою ВКР, ни мои знания никто не даже не захотел проверять. Я написала еще одно заявление, где изложила факты хамского поведения преподавателей, и через неделю получила ответ с советом обратиться в этическую комиссию. Почему этого не посоветовали сразу – когда я заявила о некорректном поведении руководителя – а так долго тянули? Вряд ли не знали о существовании комиссии по этике: просто вот зачем-то тянули. В этом тоже какая-то неэтичность есть.

Просто охота хотя бы понять: что происходит и почему меня как будто старались подло уничтожить, вместо того, чтобы наоборот – предоставить все возможности, например, развивать информационные технологии для библиотек? Почему такое поведение паскудное, в чем дело? Неужели в банальной зависти к известности, популярности – и подлом желании отомстить человеку за самостоятельность и успех – или в том, что я похожа на «жидовку», как выражается Алексеев? Или происходит что-то, что мне неизвестно? Помогите разобраться с ситуацией.

Также добавлю, что расписание занятий на кафедре почти не совпадало с официальным расписанием на сайте СпбГУ, часть предметов вообще не велась, зачеты по ним ставились «автоматом», другие – например, древнегреческий – велись вместо Палеографии, остальные занятия велись в другое время – не то, которое в расписании, и так далее. Была полная чехарда. Битнер ссылался на то, что уволили женщину, которая двадцать лет составляла в СпбГУ расписания, и теперь это делают дураки, а СпбГУ «разрушается». С древнегреческим произошла очень странная история: после первого семестра, то есть после того, как я успешно сдала зачет, предмет исчез из расписания – как нам сказали – по ошибке не включили. Но преподаватель сказала, что все равно продолжит его вести бесплатно. Я это нахожу неэтичным, поэтому во втором семестре посещать не стала. В третьем семестре Дружинина должна была вести Палеографию. «Но так как никто из вас не знает древнегреческий на достаточном уровне для чтения манускриптов, я буду вести древнегреческий» – сказала она. Начали учиться – и я не почувствовала, что я где-то отстала, наоборот, у меня получалось лучше выполнять задания. В третьем семестре нас ходило на древнегреческий всего три человека, да и то многие регулярно пропускали.

Меня спрашивали: почему я раньше не жаловалась на процесс обучения? А все очень просто: они и добивались того, чтобы я пожаловалась. Тогда они могли бы наврать, что это я просто «не справляюсь» с программой, и поэтому устраиваю скандал. Выставили бы специально конфликтной, скандалисткой, и все – на этом бы все и закончилось – даже разбираться бы никто не стал – списали бы на то, что это просто я якобы тупая. Но наврать так же о человеке, который проучился два года на четыре и пять, и успешно сдал все зачеты – они не смогут. Не мог же такой тупой скандалист два года у них на четыре и пять проучиться – это как-то нелогично, почему не заметили и не выгнали?

Хотя бы перепроверка работ и знаний какая-то может быть?

Элбакян

Элбакян Александра, 31 июля 2019 г.

моб. тел. [redacted]

?